Мир-человек на сцене

Каждый город носит приметы привычек, вкусов, занятий, даже характеров его обитателей! Мы уже перестали осознавать как образные привычные выражения «веселый город», «гостеприимный город», которые говорят о том, что здания и улицы, особенно в старинных городах с их индивидуальным обликом, живут одной жизнью с горожанами. Что же удивительного, если вместе со своими жителями участвует в пестром веселье народного карнавала человеческий старый Тбилиси декораций Николая Игнатова к балету «Берикаоба» на музыку Сулхана Цинцадзе, который был поставлен в прошлом году на балетной сцене нашего города?

Художник проникся духом этой музыки, пьянящим и свободным духом «берикаоба». В его декорациях и костюмах все сливается в общем танце. Танцует кувшин-человек, люди с головами зверей, лоза-девушка, даже древний храм. Оформление балета дерзко, необычно и может показаться странным. Все эти окна, превратившиеся в глаза, крыши, ставшие головными платками и шапками. Эти тяжелые грозди винограда, словно растущие из тела танцора. Эти спелые, теплые, радостные краски осеннего карнавала. Они оправданы царящим в атмосфере спектакля ощущением общности мира и человека, не противопоставленных, а слившихся в образе мира-человека. Но разве не доказано исследователями народного творчества, что вырывающиеся из всех обычных

разграничений и рамок торжество единства всего сущего есть суть карнавалов всех народов мира?!

Сопереживанием мира и человека, но уже в другом, трагическом ключе проникнуты и декорации Николая Игнатова к балету «Орестей», который шел в один вечер с «Берикаоба». Высокие белые колонны с рострами, точно фигуры, в горе воздевшие к небу руки, четко проецируясь на мрачных, темно-фиолетовых и багровых занавесах задника, обрамляют и пересекают сценическую площадку, где происходит драматическое действие балета. Словно в немом отчаянии застыл на ней хор греческой трагедии.

И в постановке, премьера которой состоялась совсем недавно, — «Палцах» Леонкавалло, элементы оформления сцены построены на том же изобразительном принципе.

Стилизованный, написанный достаточно условно, итальянский городок не просто обозначает место действия. Он несет в себе определенный образный смысл.

Отзвучала увертюра, поднят занавес, и постепенно замечаешь, что все эти провалы окон, круглые «слуховые» отверстия (кстати, как метко окрестил народ эти декоративные окна чердаков «слуховыми») как бы напряженно вслушиваются, окружают площадку, на которую выкатили свой пестрый возок бродячие комедианты. Эти «слушающие стены» сразу создают напряженную атмосферу каких-то грозных событий.

«Палцы» — опера об актерах, и, глубоко проникнув

в ее дух, художник создал оригинальную изобразительную метафору. Декорации города подчеркнуты условны, их холсты специально неприкрыто подвешены к падукам, а в эпизоде, где бродячая труппа комедиантов разворачивает на площади свою маленькую сцену, по бокам ее выстраиваются точно такие же кулисы-ширмы, только, конечно, в несколько раз уменьшенные. Этот декоративный символ подчеркивает фабулу оперы, построенную на повторении одной и той же ситуации «на сцене» и «в жизни».

Костюмы действующих лиц оперы решены обобщенно, в сдержанной, но насыщенной, подобранной с большим вкусом гамме цветов. Как и в тех эскизах костюмов, которые Николай Игнатов создал в прошлом году для балетов «Хореографические новеллы», «Орестей», «Берикаоба», они лишены мелких, дробных деталей. Не стремясь к этнографической точности воспроизведения костюма определенной эпохи, избегая бытовых аксессуаров, художник ставит целью помочь выявиться пластике движения артиста, усилить красками и формами костюма создаваемый им образ.

Своеобразные урбанистические мотивы творчества Николая Игнатова не случайны. Это стало мне ясно после одного разговора в мастерской художника, что расположена на чердаке, в мансарде нового дома на самой окраине Сабуртало.

Мы говорили об искусстве, иногда споря, чаще соглашаясь, а сквозь огром-

ные окна мастерской тысячами глаз-окон смотрели на нас корпуса, корпуса. И если оторвать взгляд от стены с окнами, опять прямо перед глазами оконная рама и здания.

То было почти законченное полотно, над которым работал художник. На фоне широкого окна, за которым виднеются пестрые крыши и горбатые улочки, купола церкви старого Тбилиси, перед разместившимся на столе целым городом из макетов зданий самой современной архитектуры стоит художавый задумчивый парень, молодой талантливый архитектор Рамаз Кикинадзе, держа в руках маленького человечка-куклу, каких ставят на макетах для масштаба.

— У меня много друзей среди архитекторов, — говорит Кока (так называют его родные, знакомые и даже иногда в прессе). — Сам я когда-то собирался стать одним из них. Готовился к приемным экзаменам, много рисовал, и неожиданно оказалось, что рисую не хуже тех, кто собирался стать живописцем или графиком. Так я стал студентом Академии художеств.

Рассказывая, художник не прерывает срочной работы — картину ждут на выставке в Москве. Подойдет к ней с кистью в руке, положит несколько мазков, отойдет, посмотрит, снова приблизится к полотну, что-то подправит.

— И вы сразу же решили, что станете театральным художником?

— Не знаю, что так уж сразу, но желание работать для театра пришло ко мне довольно рано, на первых курсах академии, которая не готовила тогда специалистов такого профиля. Мы с Мамия Малазония сами добивались, хлопотали и первыми защитили дипломы как художники театра под руководством Серго Кобуладзе. Тогда нас было только двое.

— Значит, вы проложили

дорогу тем молодым художникам, которые сейчас специализируются в области театрального искусства?

— Возможно, это и так.

Художник продолжает свое кружение у холста, а меня так и подмывает задать коварный вопрос:

— Скажите, архитектура, ваша первая любовь, совсем забыта?

— Не жалею, что выбрал другой путь, но, видимо, в душе что-то осталось. Мне иногда это говорят, посмотрев мои работы. Некоторые из них в последние годы, хотя и косвенно, связаны с архитектурой, оформлением интерьера.

Речь идет о монументальных фресках, объединенных общей темой: Грузия, представленные в исполненных глубокой поэзии символах богатства ее земли и труд ее людей. Одна из них — в банкетном зале ресторана на «Мтацминда», другая — в курортном зале Пндунды. Эти фрески представлены к Государственной премии СССР.

— Ваши фрески пользуются успехом и признанием. Вы часто выставляетесь как живописец. Не отходите ли вы от театра?

— Знаете, я не считаю, что человек обязательно должен становиться очень узким специалистом. Я еще и графикой занимаюсь. Работа в других жанрах, на мой взгляд, только обогащает театрального художника.

Нельзя не согласиться с Николаем Игнатовым, если вспомнить таких больших мастеров театрального оформления, как Коровин, Бакст, Бенуа, Рерих и т. д.

— Участие в каких постановках вам запомнилось?

— Были работы, веселые — для спектакля грузинской сказки «Чинчрака» в Центральном детском театре Москвы — чуть ли не все ее забавные эпизоды парировал на декорациях. Были работы серьезные — «Король Лир», «Мудрость вымысла»... для театра имени Руставели...

Помолчав, он вдруг грустно добавляет:

— А когда спектакль сходит с репертуара, то вместе с ним погибает и оформление, каким бы оно ни было, плохим или хорошим.

И все же он возвращается от практически вечных фресок к недолговечным декорациям и костюмам, возвращается к спорам и волнениям, огорчениям из-за небрежной работы театральных мастеров. Сейчас по эскизам Николая Игнатова делаются костюмы к новому балету, составленному из отдельных картин на музыку Баха, Моцарта, Цинцадзе. Театр сохраняет для него свое очарование, свою завораживающую магию.

ВЕЧЕРНИЙ ТБИЛИСИ
г. Тбилиси

20 MAR 1974

334